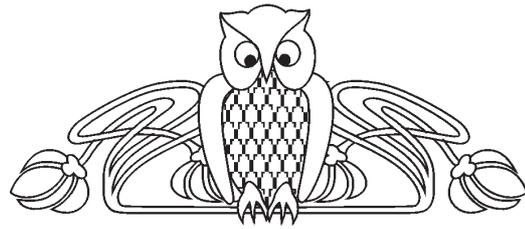

УДК 81'267.332'37'38

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С АДВЕРБИАЛЬНЫМИ КОМПЛИКАТОРАМИ В РАЗНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ (на материале художественной прозы, газетной публицистики и разговорной речи)

А. В. Дегальцева

Саратовский государственный университет
E-mail: deganna@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей выражения субъекта в высказываниях с адвербиальными компликаторами на материале современной художественной прозы, газеты и разговорной речи. Цель данной статьи – доказать, что особенности функционирования адвербиального компликатора практически не влияют на выбор способов выражения субъекта. Характеристики субъекта в высказываниях с адвербиальными компликаторами зависят от особенностей сферы общения.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, способы выражения субъекта.

**Peculiarities of Subject Expression in Sentences
with Adverbial Complicators in Different Communication
Spheres (on the material of the modern fiction, press
and colloquial speech)**

A. V. Degaltseva

The article is dedicated to examination of the ways of expression of subject in sentences with adverbial complicators in modern fiction, press and colloquial speech. The aim of this article is to prove that the features of functioning of an adverbial complicator do not determine of selection of the ways of expression of subject. Some peculiarities of subject in sentences with adverbial complicators depend on characteristics of a sphere of communication.

Key words: semantic complication of a simple sentence, adverbialization, ways of subject expression.

Процесс адвербиализации является одним из процессов, приводящих к усложнению семантической структуры простого предложения. Под адвербиализацией мы понимаем не морфологический процесс перехода слова в класс наречий¹, а семантико-синтаксический процесс, суть которого заключается в том, что выражающая атрибутивно-обстоятельственное значение лексема (качественное наречие или функционально замещающая его словоформа), грамматически связанная с глаголом-предикатом, семантически соотносится с субъектом (характеризуя его эмоциональное и физическое состояние, внешний облик, поведение: *рассеянно отвечать, в ярости замахнуться* и т. д.) или со всей ситуацией (*бесплатно посмотреть фильм*).

Общее количество проанализированных лексем-субъектов составило 1876 единиц (2756 сло-

воупотреблений) на 150 000 предикативных единиц (по 50 000 из каждой сферы). Исследование проводилось на материале текстов художественных произведений А. Азольского, Л. Нетребо, Д. Рубиной, Л. Улицкой; газет «Московский комсомолец» (МК) и «Аргументы и факты – Саратов» (АиФ – Саратов); записей разговорной речи, хранящихся на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета, текстов национального корпуса русского языка, размещенного в Интернете по адресу <http://www.ruscorgo.ru>, а также сборников «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект», «Живая речь уральского города. Тексты», «Русская разговорная речь Заполярья: Норильск: Тексты»² (РР).

Семантическая классификация лексем, выступающих в роли субъекта, была проведена с опорой на Русский семантический словарь³. В этом словаре лексика распределяется по следующему принципу. Сначала производится деление на части речи, в пределах каждой части речи выделяется группа лексических классов, затем – лексические классы, входящие в нее, и, наконец, приводится многоступенчатая система множеств и подмножеств лексики. Таким образом, каждая группа классов представляет собой дерево.

Согласно полученным данным, во всех трех проанализированных сферах общения в роли субъекта в большинстве случаев выступают слова, содержащие архисему «человек». Это связано с тем, что адвербиальные компликаторы предназначены для характеристики состояния, чувств, эмоций, поведения, внешнего облика людей.

Целью данной работы было подтвердить или опровергнуть предположение о том, что особенности функционирования адвербиального компликатора практически не влияют на выбор того или иного средства выражения субъекта, поскольку компликатор не связан грамматически с субъектом пропозиции (некоторую взаимосвязь между ними можно обнаружить лишь на уровне семантики). Вероятнее всего, характер лексем, выступающей в роли субъекта в высказываниях с изучаемыми компонентами, полностью определяется спецификой той сферы общения, в которой она используется. Обратимся к рассмотрению субъекта в высказываниях с адвербиальными компликаторами в художественной прозе

(ХС), газетной публицистике (ПС) и разговорной речи (РР).

В ХС и ПС в качестве субъекта высказывания с адвербиальным компонентом чаще всего (примерно в 70% случаев) выступает имя существительное, тогда как в РР на существительное-субъект приходится лишь около 11%, при этом для каждой из сфер преобладающими оказываются свои семантические группы имен. В РР в роли субъекта обычно выступают личные местоимения, замещающие одушевленные существительные. Они составляют 89% от общего числа словоформ, зафиксированных в качестве субъекта. Местоимения в РР более частотны, чем в кодифицированном литературном языке⁴. Это можно объяснить такими ее особенностями, как ситуативность общения («спаянность коммуникативного акта с ситуацией»⁵), автоматизм протекания речевого акта, стремление к экономии речевых усилий, коммуникативная избыточность повторных номинаций, непринужденность, использование местоимений в контактоустанавливающей функции⁶.

В ХС в роли субъекта чаще всего выступают имена собственные (53% от общего числа субъектов-существительных). Это имена, прозвища или окказиональные именованьями героев литературного произведения: – *Вам подать картину? – Владимир Игоревич с готовностью устремился всем корпусом – хватать-передавать, поддерживать, расстилать и освещать...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы)⁷; – *Ты можешь мне предложить что-то повеселей – рассеянно отозвался Бригоголовый* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света)⁸.

Среди нарицательных существительных в художественной прозе доминирующим является семантический класс именованья лиц по физическому, физиологическому, психическому состоянию или свойству. В ХС они составляют 19% (тогда как в ПС и РР – всего 7% и 1% соответственно), поскольку такие физиологические параметры, как пол, возраст, комплекция, рост, цвет волос, глаз и т. д. являются важными характеристиками, участвующими в создании художественного образа героев: – *Все бывает в первый раз, – философски ответила рыжая <...>* (Л. Улицкая. Сквозная линия)⁹; *Долговязый рассеянно щурил близорукие глаза за стеклами очков и помалкивал* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы)¹⁰.

В газете, как и в художественной прозе, в роли субъекта обычно выступают существительные, однако здесь на первом месте по употребительности оказываются нарицательные существительные – 41%. Из них почти половина – 48% – приходится на номинации профессий и выборных должностей: *Пожарные с гордостью показали мне «танк» на заднем дворе (на самом деле не танк, а самоходку), покрашенный в красный цвет с белой полосой* (МК. 12.05.2011); *Мой доктор посмотрел на меня удивленно, но ничего не сказал*

(МК. 06.12.2006). Преобладание слов данного лексико-семантического класса в ПС связано с тем, что в публицистическом стиле передается социально значимая информация, касающаяся общественно-политической жизни общества.

Имена собственные в ПС составляют 27%, что в два раза меньше, чем в ХС. В газете, в отличие от ХС и ПС, в качестве субъекта нередко выступают двойные номинации лица: по профессии/должности/статусу и фамилии и имени. Они составляют 6% от общего числа словоформ, зафиксированных в роли субъекта. Это является следствием официальной обстановки общения, а также проявлением информационной функции СМИ: журналисту важно предоставить читателю наиболее полные сведения об участниках описываемых событий, создать общую для автора публикации и читателя апперцепционную базу: *«Да, женская интуиция иногда знает больше, чем любая разведка мира!» – сочувственно произнесла после выступления 2-жи Витренко вице-спикер Госдумы Любовь Слиска* (МК. 02.04.2008).

В РР в роли субъекта в высказываниях с анализируемыми компликаторами чаще всего, как уже было сказано, выступают личные местоимения, замещающие одушевленные существительные. Почти половину субъектов-местоимений в РР – 47% – составляет слово *я*: *Я тоже с трудом начала смотреть «Остров» // (РР)*. Данные «Частотного словаря русского языка» подтверждают, что это местоимение в речи занимает первое место по частоте встречаемости среди всех личных местоимений¹¹. Это объясняется и принципом эгоцентризма РР: говорящий стремится не столько передать информацию, сколько выразить чувства, эмоции и свое отношение к тому, о чем идет речь¹². В ХС, в отличие от РР, среди личных местоимений преобладают местоимения *он* и *она*, поскольку в проанализированных текстах повествование обычно ведется от третьего лица. Местоимение *я* практически не встречается в прямой речи героев, но употребляется обычно в высказываниях, отражающих авторскую рефлексию: *Я испуганно стала озираться в попытке обнаружить источник испугавших меня звуков* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Таким образом, в живой РР преобладает местоимение *я*, поскольку информант стремится передать свои состояния и чувства, дать оценку ситуации. В стилизованной РР этого, за редким исключением, не наблюдается, так как чувства и эмоции героев передаются опосредованно: в авторской речи, с использованием форм 3-го лица. Если в РР человек сам говорит о своих чувствах и ощущениях, в художественной речи за него это делает автор. Однако адвербиальные компликаторы, которые использует писатель для характеристики героев, являются более яркими, нестандартными и редко употребляются или вообще не употребляются в живой РР.

В РР, согласно полученным данным, среди всех местоимений 3-го лица, зафиксированных в

роли субъекта, преобладает субъект-местоимение *он* – 27% от общего числа местоимений, тогда как высказывания с другими местоимениями составляют около 3–5% (*они, вы, все* – по 5%, *она* – 4%, *мы* – 3%, *это* – 2%). Возможно, это связано с тем, что *он* входит в первые десять слов, обладающих наибольшей частотой встречаемости в русском языке, и является вторым – после *я* – часто используемым личным местоимением¹³. Кроме того, в проанализированном материале информанты чаще говорят о мужчинах (женщины – о мужьях или знакомых, а также о писателях и телеведущих, мужчины – о друзьях). *Да/он очень интересно описывает//* (РР).

Местоимение 1-го лица множественного числа в РР и ПС нередко используется в значении *мы* инклюзивного: *Надеюсь, что и в следующем матче после финальной сирены мы радостно вскинем ключики* (МК. 11.05.2005); *Мы могли бы спокойно уйти отсюда/никого нет все равно//* (РР).

Имена существительные выступают в РР в качестве субъекта лишь в 11% высказываний. Из них 59% приходится на имена собственные (в том случае, если речь идет о человеке, не принимающем участия в разговоре): *Меня Альсан Санч/с некоторым раздражением/называл первая ученица//* (РР).

Что же касается нарицательных существительных в РР, то они более чем в 80% случаев представлены терминами родства (то есть семантической группой именованя человека по личным отношениям и связям, которая незначительно представлена в ХС и ПС), поскольку РР функционирует в сфере обиходно-бытового семейного или дружеского общения: *Дедушка тайком из Сибири приезжал и привозил продукты//* (РР); *Мама моя их вкусно готовит//* (РР).

В художественной прозе и газете встречаются субъекты, выраженные неодушевленными существительными. В прозе они составляют 6% от общего числа конструкций с формально выраженным субъектом, в газете – около 4%. То, что таких структур больше в художественной прозе, объясняется доминантой художественного стиля: эстетической значимостью каждого элемента и направленностью на создание яркого, необычного и запоминающегося образа. Поскольку в анализируемых высказываниях субъект обычно одушевленный (производитель действия или носитель состояния), данные существительные либо являются частью или результатом деятельности живого организма, либо наделяются свойствами и признаками живых существ. Все высказывания, в которых в качестве субъекта используется неодушевленное существительное, можно разделить на три группы:

- с использованием метонимии как тропа, в котором одно слово замещается другим, обозначающим предмет или явление, по смежности (часть выступает вместо целого, вместилище вместо содержимого или наоборот и т. д.). Согласно полученным данным, в художественной прозе чаще всего встречается модель метонимического пере-

носа «части тела или физические свойства человека → человек». *Да и глаза ее, обведенные темными кругами страдания, смотрели на доктора с благодарностью* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); *Вектор мнений, не приладившись ни к чему конкретному, раздраженно уперся в «понятную» причину: слишком легко и сразу все в жизни досталось* (Л. Нетребко. Икебана)¹⁴.

Для языка современной газеты наиболее частым видом метонимии является перенос по модели «предмет → человек»¹⁵: *Во вторник Минобороны России с гордостью отчиталось о победе космического масштаба. Продолжив свою деградацию от сверхдержавы к ядерной помойке* (МК. 22.07.2008); *Аппарат пилотируемого корабля «Союз ТМА-1» с экипажем 22-й экспедиции на Международную космическую станцию (МКС) благополучно приземлился в Казахстане* (АиФ – Саратов. 30.08.2010). «Номинации в позиции агенса “очеловечиваются” и наделяются способностью действовать и поступать как активное лицо»¹⁶. Нередко встречается и другая модель метонимического переноса: «номинации государства, его столицы, места расположения властных органов → человек», которая, по наблюдениям М. А. Кормилицыной, является самой типичной для прессы¹⁷: *РФ обреченно теряет свой некогда могучий ядерный потенциал* (МК. 17.01.2011);

- с использованием олицетворения как тропа, заключающегося в перенесении свойств одушевленных предметов на неодушевленные. *Однажды требовательно задребезжал звонок <...>* (А. Азольский. Лопушок)¹⁸. Как живое существо воспринимаются чувства и эмоции человека. По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, поэтому «основным источником психологической лексики является лексика “физическая”, используемая во вторичных, метафорических смыслах»¹⁹: *Ненависть остро и больно перекатывалась в животе, булькала в горле* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Реже свойствами живого существа наделяются категории пространства и времени: *Но теперь все умерли, жизнь как будто свернулась кольцом и прошлое, освещенное кинематографическим светом счастья, прожорливо заглохло и пустынное настоящее, и лишенное какого бы то ни было смысла будущее* (Л. Улицкая. Пиковая дама)²⁰. Прошлое наделяется свойствами и признаками живого существа, которое поглощает все мечты и надежды человека.

Иногда писатель наделяет один из ключевых символов произведения статусом литературного героя или персонажа: *Во второй истории перловый суп не был главным действующим лицом, а лишь скромно мелькнул на заднем плане* (Л. Улицкая. Перловый суп)²¹. Перловый суп, который готовила мать героини-повествовательницы, выступает в одноименном рассказе Л. Улицкой в качестве значимого, символического элемента.

По утверждению автора, в первой части рассказа суп является главным героем, тогда как в заключительной ему отводится скромное место второстепенного персонажа.

В газете олицетворение неодушевленного субъекта не имеет такого эстетического значения, как в художественной прозе. Это уже привычный, «стершийся» образ. Журналист обычно использует данный прием тогда, когда говорит о каких-либо системах, реформах, законах и т. п. безотносительно к их участникам и исполнителям (в том случае когда важно сообщить о самом факте): *На самом деле рынок мирно работал с мая – до того момента, когда выяснилось, что его надо открыть 4 сентября* (МК. 03.09.2010). Официально Черемушкинский рынок должен был открыться после ремонта в начале сентября, к Дню города, но фактически он возобновил работу на несколько месяцев раньше. До 4 сентября торговля шла в привычном режиме, а в день формального открытия наступил ажиотаж;

- с использованием пассивных конструкций, где производителем действия является человек. Такие структуры характерны, в основном, для газеты. В них предикаты выражены краткими страдательными причастиями (реже – возвратными глаголами), а позиции субъекта-производителя действия заняты компликаторами с объектно-адресатным значением²²: *Оказалось, что слушания проведены с грубыми нарушениями – и стройка становилась незаконной* (МК. 10.07.2011). По наблюдению исследователей, подобного рода конструкции фактически безличны, на место индивидуума приходит неизвестное, необозначенное лицо или коллектив²³. В таких высказываниях отражается «коллективная ответственность (точнее безответственность) за принимаемые решения»²⁴.

Среди высказываний с адвербиальными компликаторами встречаются бессубъектные: определенно/неопределенно-личные, безличные и эллиптические.

В неопределенно-/определенно-личных и эллиптических высказываниях адвербиальные компликаторы обычно характеризуют одушевленный субъект (который не назван, но подразумевается): *Вот как поплачемся ближнему в жилетку, с радостью стихнем свой груз ответственности на чужие плечи, и сразу становится легче* (АиФ–Саратов. 21.12.2011); *Там значит/ тебя вот так радушно встречают//* (РР); *Барственно поманил официантку и заказал бутылочку «покрепче»* (А. Азольский. Лопушок).

В определенно-личных и эллиптических высказываниях субъект легко восстанавливается благодаря контексту/конситуации. Употребляясь в неопределенно-личных конструкциях, адвербиальные компликаторы могут характеризовать и ситуацию, но гораздо реже: *Это все тоже без лишних вопросов сделают//* (РР); *Готовься, народ, чтобы ты правильно голосовал, тебе сейчас*

на потеху министров прилюдно пороть будут! (МК. 29.04.2009).

В безличных высказываниях действие или состояние описывается безотносительно к его субъекту, поэтому адвербиальные компликаторы очень часто характеризуют ситуацию или один из ее компонентов (объект): *<...> формулировать дальше наши требования надо открыто и самое главное – максимально легитимно <...>* (АиФ – Саратов. 05.01.2012); *Близко ходить-то было?//* (РР); *Только брачную церемонию во дворце прислали/ а так/ если фотографировали/ то интересно посмотреть//* (РР).

Безличные конструкции с изучаемыми компликаторами чаще всего встречаются в РР. Здесь они составляют 23%, то есть почти каждое четвертое встретившееся нам высказывание является безличным. Возможно, такую высокую частоту встречаемости подобных структур можно объяснить особенностями русской ментальности. Безличные и безлично-инфинитивные конструкции, по мнению авторитетных исследователей языковой картины мира, выражают некоторую пассивность и иррациональность русских, а также желание снять с себя ответственность за некоторые поступки и объяснять многие обстоятельства влиянием судьбы как необъяснимой метафизической силы, довлеющей над человеком²⁵: *Ну так его же невкусно есть//* (РР); *Среди молодых как-то веселее работать//* (РР); *Можно было совершенно спокойно въезжать сюда/ и уезжать без всяких пропусков специально//* (РР).

Неопределенно-личные предложения шире, по сравнению с ХС и РР, представлены в ПС. Они составляют около 5% от всего числа рассмотренных в этой сфере высказываний. Подобные высказывания используются либо тогда, когда журналист не знает точно, кто является производителем действия, либо когда это не имеет для него большого значения, либо в том случае, если автор публикации намеренно не называет деятеля (чтобы избежать прямых обвинений в адрес конкретных людей): *В английских лабораториях тайно скрещивали животных и людей* (МК. 26.07.2011); *В Саратове незаконно торговали пиротехникой* (АиФ – Саратов. 21.02.2011).

Во всех трех сферах общения встретились неполные предложения (эллиптические высказывания с незамещенной позицией субъекта). В РР они распространены шире, чем в ХС и ПС, и составляют до 7% от общего числа проанализированных здесь высказываний. Это объясняется такими особенностями данной сферы общения, как опора на ситуацию, а также сведение к минимуму заботы о форме изложения информации: *Спокойно поговорила с ней/ все объяснила//* (РР); *Бесплатно учился/ всё//* (РР); *Очень нравится/ просто трудно немножко с жильем/ а так с удовольствием бы еще остался//* (РР).

Эллиптические конструкции в газете и художественной прозе способствуют созданию эффекта

непринужденного устного рассказа и служат для реализации стратегии близости автора к читателю²⁶: – *Синьор, пожалуйста, синьор! Где тут гостиница «Аль...» – и забыла вдруг название, беспомощно взмахнула руками...* (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев)²⁷; *А теперь так ярко и уверенно разрушил всю игру Назая <...>* (МК. 17.09.2007).

Итак, в роли субъекта в высказываниях с изучаемыми компонентами обычно выступают лексемы, именующие человека по тем или иным качествам, свойствам, статусам. Адвербиальные компликаторы при подобных лексемах обычно характеризуют эмоции, чувства, состояние, поведение, внешний вид человека. В безличных конструкциях изучаемые компликаторы очень часто описывают ситуацию.

В художественной прозе в роли субъекта высказывания с адвербиальным компликатором обычно выступают имена существительные. Это чаще всего имена или прозвища героев произведения, а также именование их по каким-либо признакам или свойствам. Адвербиальные компликаторы при них описывают поведение и чувства обитателей художественной реальности. Кроме того, в художественном тексте в силу его метафоричности и эстетической значимости встречаются высказывания с неодушевленным субъектом, наделенным свойствами живого существа. Среди личных местоимений преобладают формы 3-го лица, поскольку повествование обычно ведется от лица автора.

Официальный характер общения и сфера функционирования публицистического стиля (сфера общественно-политической и культурной жизни человека) определяет преобладание в ПС субъектов, именующих человека по его социально-профессиональной принадлежности. Чтобы не приписывать те или иные действия конкретным субъектам, журналист нередко использует неопределенно-личные предложения, безличные, а также пассивные конструкции с неодушевленным субъектом.

В РР, в отличие от ХС и ПС, в роли субъекта в высказываниях с адвербиальными компликаторами чаще всего выступают личные местоимения. Среди них преобладает лексема *я*, что объясняется принципом эгоцентризма РР. Высказываний с субъектом-существительным здесь в шесть раз меньше, чем в ХС и ПС. В большинстве своем они представлены именами собственными или терминами родства. Почти каждое четвертое проанализированное в этой сфере высказывание является безличным, что, по-видимому, отражает особенности мировосприятия русского человека.

Примечания

- 1 См.: Русская грамматика : науч. труды : в 2 т. / гл. ред. Н. Шведова. М., 2005. Т. 2 ; Языкознание. Большой энциклопедический словарь: 2-е изд. / гл. ред. В. Ярцева. М., 1998.
- 2 *Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999;
- 3 См.: Русский семантический словарь : в 6 т. / под общ. ред. Н. Шведовой. М., 1998. В 6 т. Т. I–IV.
- 4 См.: *Земская Е.* Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- 5 *Земская Е., Китайгородская М., Ширяев Е.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Е. Земская. М., 1981. С. 12.
- 6 См.: *Земская Е.* Указ соч. ; *Земская Е., Китайгородская М., Ширяев Е.* Указ соч.
- 7 *Рубина Д.* Белая голубка Кордовы. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://www.litres.ru/dinarubina/belaya-golubka-kordovy/> (дата обращения: 11.11.2010).
- 8 *Улицкая Л.* Путешествие в седьмую сторону света. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://www.100tomov.ru/russ_proza/Ulitskaya_Lyudmila/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 9 *Улицкая Л.* Сквозная линия. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://www.100tomov.ru/russ_proza/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 10 *Рубина Д.* На солнечной стороне улицы. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://ilikebooks.ru/2766-rubina-dina-na-solnechnoj-storone-ulicy.html> (дата обращения: 11.11.2010).
- 11 См.: Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Засориной. М., 1977. С. 807.
- 12 См.: *Земская Е., Китайгородская М., Ширяев Е.* Указ соч.
- 13 См.: Частотный словарь русского языка 807.
- 14 *Нетребо Л.* Икебана. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/NETREBO/doctor.txt> (дата обращения: 19.11.2010).
- 15 См.: *Кормилицына М.* О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. Кормилицыной, О. Сиротининой. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 38–46.
- 16 Там же. С. 42.
- 17 Там же. С. 43.
- 18 *Азольский А.* Лопушок. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://lib.ru/AZOLXSKIJ/lopushok.txt> (дата обращения: 05.10.2010).
- 19 *Арутюнова Н.* Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. 6-е изд. М., 2009. С. 95.
- 20 *Улицкая Л.* Пиковая дама. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://www.100tomov.ru/russ_proza/Ulitskaya_Lyudmila/Pikovaya_Dama.gz/1/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 21 *Улицкая Л.* Перловый суп. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://lib.rus.ec/b/272018/read> (дата обращения: 03.02.2011).
- 22 См.: *Кормилицына М.* О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы. С. 41.
- 23 См.: *Тер-Минасова С.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000; *Кормилицына М.* О некоторых

- синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы. С. 38–46.
- ²⁴ *Кормилицына М.* О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы. С. 41.
- ²⁵ См.: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. Падучевой. М., 1996 ; *Тер-Минасова С.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000 ; *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картина мира. М., 2005.
- ²⁶ См.: *Лейчик В.* Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного

русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века : проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. М., 2003 ; *Кормилицына М.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. Кормилицыной, О. Сиротининой. Саратов, 2008. Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы».

²⁷ *Рубина Д.* Высокая вода венецианцев. Текст цитируется по: URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/venice.txt> (дата обращения: 03.02.2011).

УДК 811.161.1' 367. 3

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА *ЕХАТЬ ТАК ЕХАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Ф. Калинин

Балашовский филиал Саратовского государственного аграрного университета
E-mail: kalininarkadiy@mail.ru

В результате разноаспектного анализа русских фразеологизированных предложений типа *Ехать так ехать* описана их лингвистическая сущность и охарактеризованы семантические структуры, что позволило приблизиться к построению общей типологии исследуемых единиц.

Ключевые слова: русский язык, фразеологизированное предложение, структурно-грамматический аспект, логико-семантический аспект, односоставное и двусоставное предложение, семантическая структура предложения.

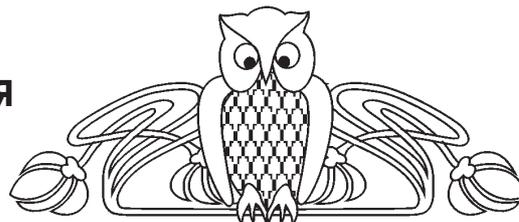
Phraseologically Bound Sentences Such As 'If we are going, let us go' in the Russian Language

A. F. Kalinin

Upon analyzing Russian phraseologically bound sentences such as 'if we are going, let us go' from various aspects, their linguistic essence has been described and their semantic structures have been characterized. All the above have allowed to approach the task of creating a general typology of these units.

Key words: the Russian language, phraseologically bound sentence, structural and grammatical aspect, logical and semantic aspect, one-member sentence and two-member sentence, semantic structure of the sentence.

В системе простого предложения в русском языке, как и в других языках индоевропейской языковой семьи, существуют различные оппозиции; центральными из них являются противопоставления свободные/фразеологизированные и двусоставные/односоставные предложения. Полагаем, как и авторы «Русской грамматики», что свободные предложения, строящиеся по свободным структурным схемам, – это предложения с живыми грамматическими связями между компонентами. Фразеологизированные предложения,

или предложения фразеологизированной структуры, – это предложения с индивидуальными отношениями между компонентами и с индивидуальной семантикой, словоформы соединяются в них друг с другом идиоматически; служебные и местоименные слова, частицы и междометия во фразеологизированных предложениях функционируют не по сложившимся синтаксическим правилам¹.

Что касается оппозиции двусоставности/односоставности предложения, то необходимо отметить, что в современной русской синтаксической науке существуют две различные, диаметрально противоположные точки зрения на данную проблему. Традиционная точка зрения, идущая от А. А. Шахматова, исходит из наличия в русском языке двусоставных и односоставных предложений². Противоположная концепция, проводимая Г. А. Золотовой и её сторонниками, признает наличие в языке только двусоставных предложений³.

Считаем, что в языке наличествуют как двусоставные, так и односоставные предложения. По данному вопросу нами разделяется точка зрения В. В. Бабайцевой, В. В. Виноградова, Н. С. Валгиной, С. Г. Ильенко, П. А. Леканта, О. Б. Сиротининой, Е. С. Скобликовой и других лингвистов, выделяющих, вслед за А. А. Шахматовым, двусоставные и односоставные предложения в системе простого предложения в русском языке.

Статус синтаксической фразеологии в языке недостаточно определен по отношению как к фразеологии, так и к синтаксису⁴. В данной статье рассматриваются фразеологизированные инфинитивные предложения структурного типа *Ехать так ехать*, исследуется их формальная и семантическая организация, что представляется актуальным. Лингвистическая сущность данных предложений не изучена, не определены их типология